

21.05.2012

Чайковский с погружением

Дмитрий Хворостовский в Большом зале консерватории

Концерт вокал

В рамках фестиваля "Черешневый лес" в Большом зале консерватории выступил Дмитрий Хворостовский. Под аккомпанемент пианиста Ивари Ильи певец исполнил камерную программу из сочинений Рахманинова, Танеева, Листа и Чайковского. Рассказывает СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

За последние десять лет Дмитрий Хворостовский спел в Москве, кажется, все, что можно себе представить, и даже то, чего представить нельзя,— оперные шлягеры XIX века и музыку из советских кинофильмов, песни военных лет и барочные арии, "Сюиту на стихи Микеланджело" Шостаковича и опусы Игоря Крутого. Станным образом в этом бескрайнем репертуарном перечне почти не было романсовой классики (хотя, казалось бы, уж чего проще организовать "лидерабенд" с вещами Рахманинова и Чайковского, не говоря уже о том, чтобы найти для него публику). Совсем другая история с концертами певца на Западе, где можно констатировать если и не прямо-таки моду, то уж во всяком случае оживленный спрос на русскоязычную лирику. Программу этого московского концерта Дмитрий Хворостовский и Ивари Илья на самом деле уже полтора сезона демонстрировали на европейских и американских сценах, с той разницей, правда, что изначально список композиторов включал Танеева, Листа, Чайковского и Форе, а теперь в БЗК певец заменил Форе на Рахманинова, чтобы лишний раз напомнить о том, что у него сейчас выходит посвященный Рахманинову альбом.

И все же именно четыре рахманиновских романса отчего-то получились наименее удачным блоком концерта — может, из-за скомканного начала: публика неторопливо продолжала рассаживаться, не обращая ни малейшего внимания на уже стоящего на сцене певца. Который сначала ослепительно улыбался, потом улыбался натянуто, потом улыбаться перестал, и взгляд, совсем как в открывавшем концерт раздирательном романсе, являл живую муку. Усевшаяся наконец аудитория услышала Рахманинова, доложенного тяжело и обобщенно, с поверхностностью,

глубже которой шло только "Воскрешение Лазаря", последний из этих четырех номеров.

В общем-то в шести вещах Танеева, исполненных затем, смущала эта утрированность подачи, не всегда подкрепленная что глубиной, что содержательностью. Возникало ощущение, что отклик у певца вызывает в основном повествовательная сторона исполняемого текста; законченный сюжет, интересная коллизия между нарочито стилизованной формой и рассказываемой пронзительной историей (как в "Менуэте") — это его захватывало (что сразу было слышно), а вот все более моментальное, ускользающее, психологичное, словом, та самая лиричность — едва ли.

Зато тем сильнее оказались впечатления от второго отделения, где все вдруг встало на свои места. Шесть романсов Чайковского, его знаменитый последний опус, тоже прозвучали не без театральности, но на сей раз аккуратно рассчитанной и умно дозированной — к финалу, к "Снова, как прежде, один...", в искусной и целомудренно сделанной безысходности уж и не осталось ничего внешнего, риторического. Хотя симптоматично, что самым ударным моментом концерта оказался все-таки не цикл Чайковского, пусть мастерски прочитанный и Дмитрием Хворостовским, и Ивари Ильей, а вовсе даже романсы Листа, особенно "Pace non trovo" и "I' vidi in terra angelici costumi" из "Трех сонетов Петрарки", решительно, богато и образно спетые в стилистике оперного монолога, — и в энтузиазме певца слышалось известное облегчение от того, что эту стилистику не приходится маскировать.